

История гуманитарных идей

Вклад императора Ашоки в развитие гуманитарных идеалов в подходе к войне

**Заслуженный профессор
полковник Дж. И. А. Д. Дрейпер,
кавалер ордена Британской
империи 4-й степени¹**

Джеральд Дрейпер (1914—1989) был одним из крупнейших в Великобритании специалистов своего времени в области гуманитарного права, он пользовался большим уважением среди тех, кто занимался правом войны, как у себя на родине, так и за рубежом. В качестве военного прокурора Дж. Дрейпер участвовал в процессах по делам военных преступников, проходивших в Германии после Второй мировой войны. Уйдя в отставку после службы в юридическом отделе генерального штаба вооруженных сил Великобритании, он посвятил себя преподавательской деятельности и в конце своей карьеры занимал должность профессора права в университете Суссекса. В качестве делегата участвовал во многих Международных конференциях Красного Креста, а также в деятельности Дипломатической конференции, на которой были разработаны Дополнительные протоколы к Женевским конвенциям.

Профессор Дрейпер интересовался прежде всего проблемами развития права войны и установления диалога между представителями разных вероисповеданий. Интерес, который он испытывал к императору Ашоке, отражает, по всей видимости, его личную веру в универсальные гуманитарные принципы, не ограниченные рамками той или иной традиции. Связь мировоззрения Ашоки с современным международным гуманитарным правом проследить нетрудно: достаточно вспомнить о заботе, проявленной императором по отношению к покоренному им «приграничному народу», проживавшему на территориях, для определения которых подошел бы современный термин «оккупированные»; о беспристрастности введенных им гуманитарных принципов, действие которых распространялось на всех людей, включая представителей других культур и религий; о признании необходимости учреждения специальных органов для контроля и наблюдения за исполнением провозглашенных им норм. Ашоку, подобно полковнику Дрейперу, интересовали не только нравственные ценности как таковые, но и практические требования жизни с ее бедами и невзгодами.

¹ Текст статьи подготовлен к печати Майклом А. Мейером, Чарльзом Хенном и Хиларом Мак-Кубри на основе конспекта лекции профессора Дрейпера на тему «Вклад императора Ашоки из династии Маурьев в раннее развитие гуманитарного подхода к войне», прочитанной им 29 ноября 1982 года в Чулалонгкорнском университете в Бангкоке (Таиланд), также конспекта лекции на тему «Император Ашока и установление Закона о праведности», прочитанной профессором 1 декабря 1982 года в Сиамском обществе в Бангкоке.

В настоящий момент готовится к печати сборник под названием *«Размышления о праве и вооруженном конфликте»*, в который войдут избранные работы Джеральда Дрейпера, посвященные праву войны.

Майкл А. Мейер,
Заведующий отделом
международного права
общества Красного Креста
Великобритании

А. Империя династии Маурьев: ее значение

Держава Маурьев — это часть прошлого Индии, по своему блеску и богатству она представляет собой один из уникальнейших периодов истории этой страны. Просуществовала она более века (321—185 гг. до н. э.), и ее по праву можно считать одной из величайших цивилизаций всех времен и народов. Помимо созданного ею великолепия и несмотря на противоречивый и неопределенный характер многих из деяний и достижений ее правителей, эта империя, и особенно один из ее правителей, сыграли важную историческую роль, оставив человечеству замечательное по своему содержанию нравственное и гуманитарное наследие.

Б. Возникновение и становление

Династия Маурьев (321—185 гг. до н. э.) возникла после того, как в 325 году до н. э. Александр Македонский покинул Индию и основатель династии император Чандрагупта сверг последнего царя династии Нандов, правившей в царстве Магадха (Южный Бихар), бывшем в то время самым сильным в Северной Индии. После ухода из Индии Александра Македонского Чандрагупта одержал победу над полководцем Александра Селевком Никатором, который уступил Чандрагупте огромную захваченную ранее Александром часть территории Индии в обмен на 500 слонов. За передачей земель последовало заключение договора о союзе и дружбе, который, по имеющимся сведениям, был скреплен брачными узами между членами семей полководца и императора.

После заключения договора о союзе и дружбе Селевк направил ко двору Чандрагупты своего посла, грека по имени Мегасфен, который составил впоследствии подробное описание жизни императорского двора и устройства Маурийской империи. К несчастью, записи были утрачены, но отрывки из них приводятся в других дошедших до нас греческих текстах. Благодаря этим отрывкам стали известны некоторые ценные подробности о династии Маурьев, императорском дворе, столице и замечательной системе управления империей¹.

¹ Известно, например, что Чандрагупта во многом полагался на одного из своих советников, которому очень доверял. Этот советник, брамин Чанакия, бывший торговец благовониями, занимал пост министра и благодаря своим знаниям и опыту оказал императору значительную помощь в разработке системы управления Маурийской империей.

Чандрагупта царствовал на протяжении двадцати четырех лет (321—297 гг. до н. э.), пока не отрекся от трона в пользу своего сына Биндусары. При Биндусаре, который ничем особенным не отличился, система управления империей осталась прежней. Затем трон перешел к сыну Биндусары, Ашоке. Случилось это уже в 272 году до н. э., хотя, по существовавшим тогда правилам, императором Ашока был провозглашен лишь в 264 году до н. э.

Учрежденная Чандрагуптой система управления просуществовала приблизительно девяносто лет (321—231 гг. до н. э.). Это была абсолютная монархия — пример деспотии в чистом виде — со столицей в городе Паталипутра (ныне Патна), который, по словам Мегасфена, ослеплял своим великолепием. Территориально Маурийская империя напоминала в общих чертах Британскую Индию начала XX века, если из последней исключить территории к северу от Мадраса и Шри-Ланку. Ее действующая армия была огромна: во время царствования Ашоки в нее входили 600 тысяч пеших воинов, 130 тысяч всадников¹, 9 тысяч слонов, к которым были приставлены 36 тысяч человек, а также многие тысячи колесниц и возничих — все они находились под строгим контролем шести групп должностных лиц. Уже по одним только размерам армии можно составить себе представление о масштабах военных действий той эпохи, а также о материальных и людских потерях, к которым эти действия способны были привести. С такой армией власть Ашоки была абсолютной.

В. Покорение императором Ашокой Калинги и последовавшее за этим раскаяние

Победу над тремя Калингскими царствами, располагавшимися на территории современной Ориссы, Ашока смог одержать благодаря военной мощи, которая досталась ему в наследство и которую он приумножил во время своего царствования. Произошло это в 256 году — через шестнадцать лет после его прихода к власти или через восемь лет после провозглашения его императором. Исторические данные, представленные всего лишь тридцатью четырьмя уцелевшими эдиктами², не указывают, почему Ашока пошел воевать с Калингой. И все же в одном из эдиктов — знаменитом XIII наскальном эдикте 257 году до н. э., известном также как «Эдикт о завоевании», — говорится о том, что победа была полной, а потери среди побежденных огромными: воины Ашоки захватили в плен 150 тысяч и убили 100 тысяч человек, и во много раз большее число людей погибло в ходе завоевания³.

1 По некоторым источникам, 30 тысяч. — *Примеч. перев.*

2 Эти эдикты состоят из четырнадцати основных наскальных эдиктов, семи второстепенных наскальных эдиктов, двух эдиктов о войне с Калингой, семи эдиктов, высеченных на колоннах, и четырех второстепенных эдиктов, высеченных на колоннах. (В книге «История и культура Древней Индии. Тексты», МГУ, 1990, с. 216, указывается, что к настоящему времени найдено более 150 надписей Ашоки. — *Примеч. перев.*)

3 См. XIII наскальный эдикт (приблизительно 257 году до н. э.), известный также как «Эдикт о завоевании».

С болью в сердце отмечает Ашока в этом эдикте, что потери, лишения и страдания поверженных жителей Калинги вызывают у него «великую скорбь» и «сожаление», ведь «всем им выпали на долю какая-либо несправедливость, либо насильственная смерть, либо разъединение с теми, кто им дорог... И то, что доля эта постигла всех людей, тяготит мысль Угодного богам»¹. Ни малейшего ликования не ощущается в эдикте, нет в нем и никакой попытки оправдать войну и кровавую резню, к которой она привела: невысказанная моральная установка заключается в том,

«...Сто пятьдесят тысяч человек было угнано оттуда, сто тысяч убито на месте и гораздо более того умерло... И сколько бы людей в то время, когда были покорены калингяне, ни было убито или умерло, или уведено оттуда, — даже сотая часть этого числа, даже тысячная тяготит теперь мысль Угодного богам...»

Из XIII эдикта (приблизительно 257 год до н. э.).

что уничтожение жизни — будь то жизнь человека или животного, — а также все страдания и лишения прискорбны и что их следует избегать².

Еще одна мысль, согласно эдикту, «тяготила Угодного богам еще более»: «Какие живут в этой земле брахманы, шраматы или последователи других верований, или же миряне-домохозяева, которые блюдут покорность высшим, покорность матери и отцу, покорность наставникам, подобающее отношение к друзьям, знакомцам, приятелям, рабам и слугам, (а также) преданность веручению, — всем им выпали на долю какая-либо несправедливость, либо насильственная смерть, либо разъединение с теми, кто им дорог. Ведь для тех, кто воспитан должным образом, кто неизменен в своих привязанностях, если погибает кто-либо из друзей, знакомцев, приятелей или сородичей, — это для них большая утрата. И то, что доля эта постигла всех людей, тяготит Угодного богам. Нет ведь таких разрядов людей, как брахманы и шраматы, и нет такого места ни в одной джананаде³, где люди не принадлежали бы к какому-нибудь веручению»⁴.

В этом эдикте Ашоки раскрывается поистине высочайшая степень его религиозной терпимости и обостренного чувства сострадания, даже опосредованного, ко всем людям, и особенно праведным, независимо от их принадлежности к той или иной религии или вероисповеданию⁵. Мысли и чувства, которые испытал могущественный император, только что одержавший крупнейшую победу в войне, не могут не произвести впечатления своим благородством

1 Из XIII эдикта (приблизительно 257 год до н. э.).

2 «...Сто пятьдесят тысяч человек было угнано оттуда, сто тысяч убито на месте и гораздо более того умерло [при завоевании Калинги]... И сколько бы людей в то время, когда были покорены калингяне, ни было убито или умерло, или уведено оттуда, — даже сотая часть этого числа, даже тысячная тяготит теперь мысль Угодного богам» (из XIII эдикта (приблизительно 257 год до н. э.).

3 Джанапада — видимо, область, включавшая в себя определенное число деревень, нигам (более крупных поселений) и городов, управлявшаяся особыми должностными лицами. — Примеч. переводчика эдикта.

4 Из XIII эдикта (приблизительно 257 год до н. э.).

5 Эта мысль совмещает в себе две буддийские идеи: первая состоит в том, что акт убийства или причинения страдания, совершенный по отношению к святому или праведному человеку, — грех более тяжелый, чем такой же акт, совершенный по отношению к злодею; согласно второй, все религии учат людей добру, и, следовательно, преследований на религиозной почве быть не должно. — Примеч. ред.

и просветленностью. Следует все же отметить, что в плане практическом чувства и мысли эти вряд ли принесли бы хоть какую-то пользу, не обладай император абсолютной властью.

Г. Обращение в буддизм и проповедь Закона о праведности

После победы над Калингой в 256 году до н. э. (вызвавшей у императора чувство вины и раскаяния) и вплоть до конца своего царствования в 232 году до н. э. Ашока больше не вел войн. Известно, что последовавшие за победой годы он провел в благочестивом следовании по пути, указанному Буддой, и возведении в местах паломничества, считавшихся святыми, ступ, на которых высекались нравственные поучения. Приблизительно два года он был членом буддийской общины, не отказавшись при этом от престола.

Обращение Ашоки в буддизм, которому способствовал его учитель Упагупта, происходило постепенно. И хотя Ашока мало сделал для того, чтобы изменить унаследованный им способ управления, он ввел совершенно новую и необыкновенную по своей силе систему нравственного идеализма — нравственные правила, или «образ жизни», основанные на буддийском учении, как его понимал Ашока, — систему, которая называлась «Законом о праведности» (Дхармой). Этот закон, хотя и вытекал из учения Будды, отличался от него и отражал мировоззрение самого Ашоки. Он стал важной вехой на пути развития цивилизации на Востоке и оказал сильное влияние на соседние царства, распространившись не только по всей территории Индии и Шри-Ланки, но и дальше — вплоть до Китая и Греции.

Закон о праведности состоял из моральных предписаний, содержащих требование относиться с уважением ко всем тем, к кому должно так относиться, и особенно к своим господам, родителям, учителям, старшим и родственникам. Предписания Закона о праведности требовали свято уважать всякую жизнь, будь то жизнь человека или животного, они требовали также гуманного и справедливого отношения ко всем, включая представителей отсталых и нецивилизованных народов, проживавших как на территории державы, так и за ее пределами. В закон вошли повеления и запреты, предназначенные для искоренения таких пороков, как зависть, лень и несправедливость, которые могут оказывать влияние на то, как управляется государство, и способны причинить ему вред. Одним словом, вошедшие в Закон о праведности предписания и запреты представляли собой целую систему праведных отношений между всеми разумными и одушевленными существами; они затрагивали общественные, социальные и семейные отношения, отношения между народами, разными по уровню своего развития, а также отношения между людьми и животными. Никто не остался вне сферы действия Закона — ни сам император Ашока, ни императрица: были назначены должностные лица (махаматры) специально для надзора за исполнением закона в императорских покоях дворца. Закон о праведности был этическим законом,

имперским законом, законом, регулировавшим отношения с другими государствами и определявшим образ жизни. В центре всей этой системы стоял сам Ашока, взявший на себя нелегкую задачу по ознакомлению всех с Законом и по обеспечению его выполнения¹.

Закон о праведности, распространенный Ашокой по всей территории империи и за ее пределами, нельзя считать стройной, рационально обоснованной системой; в нем нет той последовательности и интеллектуальной упорядоченности, которыми такая система обычно характеризуется. В этом отношении Ашоку нельзя сравнивать с представителями классической философии Древней Греции. Ни разработанных до конца догматов, ни убедительных философских построений в его эдиктах нет, нет в них и теологического элемента, за исключением разве что не выраженного прямо признания реальности мира «иного», существующего помимо мира материального, на которое указывает, *inter alia*, заявление Ашоки: «О том, какой великий плод (приносит эта победа) думает Угодный богам»², а также подразумеваемого признания трансцендентальной ценности Закона о праведности, о чем можно судить по высказыванию Ашоки, в соответствии с которым после присоединения им к своей империи царства Калинги он начал свое служение во имя «жгучей потребности в дхарме, страстного стремления к дхарме, желанию наставлять в дхарме».

Ашока проводил различие между завоеванием посредством силы оружия и завоеванием при помощи Закона о праведности: последнее — покорение человеческого сердца Законом о праведности — он называл «истинным завоеванием», не имеющим ничего общего

с завоеванием военным. «Радость эта, — возвещал он, — происходит от победы дхармы... Этот указ о дхарме начертан здесь с той целью, чтобы сыновья и внуки, какие у меня будут, думали: «Новых побед одерживать не следует», а в своих победах чтобы они находили удовольствие в прощении и несуровом наказании. И пусть они считают победой только ту победу, которая (одержана с помощью) дхармы.

«...Радость эта происходит от победы дхармы... Этот указ о дхарме начертан здесь с той целью, чтобы сыновья и внуки, какие у меня будут, думали: «Новых побед одерживать не следует», а в своих победах чтобы они находили удовольствие в прощении и несуровом наказании. И пусть они считают победой только ту победу, которая (одержана с помощью) дхармы».

Из XIII эдикта (приблизительно 257 год до н. э.).

они считают победой только ту победу, которая (одержана с помощью) дхармы. Ведь она относится и к этому миру, и к тому миру».

Императорских чиновников постоянно призывали следить за тем, чтобы исполнение Закона о праведности основывалось на принципе справедливости, вследствие чего гуманитарный аспект Закона оказал, вне всякого сомнения, благотворное влияние на положение дел в государстве. Улучшение, однако, было относительным. Так, например, в жесткой системе уголовного права никаких

¹ См., например, I эдикт (приблизительно 256—255 годы до н. э.), II эдикт (приблизительно 256—255 годы до н. э.) и XIII эдикт (приблизительно 257 год до н. э.).

² Там же.

изменений не произошло, за исключением внесения в него положения, предусматривавшего предоставление приговоренному к смертной казни человеку трех дней, начиная с момента вынесения приговора и до его приведения в исполнение, в течение которых он мог предаваться благочестивой медитации и получать моральную поддержку близких. Пытка по-прежнему считалась нормальным явлением. Ашока, правда, предупреждал, что приговоры следует выносить лишь в том случае, если на то имеются полные основания: «[Если] случается так, что какого-то человека приговаривают к заключению или пытке, и когда результатом такого приговора является заключение без полных на то оснований, то глубокую скорбь испытывают многие другие люди. В таких случаях надо стремиться к тому, чтобы восстановить справедливость... С этой целью и были высечены эти надписи, дабы городские чиновники непрестанно старались сделать так, чтобы горожан не могли лишать свободы или пытать без полных на то оснований»¹. Налоги также оставались высокими и составляли одну четверть от объема натурального продукта и выручки за проданный товар.

Пропаганда и внедрение Закона осуществлялись посредством эдиктов, папийские письма которых искусно высекались на скалах и колоннах полированного песчаника². Скалы и колонны стояли на обочинах главных дорог империи Ашоки, и высеченные на них надписи наставляли любого путника, оказавшегося в тех местах. Надписи повторялись, но это отнюдь не было следствием недосмотра, наоборот, их постоянное повторение отражало стремление Ашоки проповедовать незыблемые принципы Закона так, чтобы они оставляли глубокий след в сердцах тех, кто их читал.

Тексты эдиктов позволяют заключить, что для провозглашения и выполнения Закона о праведности Ашока был твердо намерен использовать власть и средства, которыми он располагал как абсолютный монарх и деспот. Неограниченная власть позволила императору одержать победу в войне, она же помогла ему установить в империи новый нравственный порядок и обеспечить его соблюдение. В эдиктах нет ни стройной аргументации, ни логических посылок, ни обращений к богам: для их появления достаточно было, чтобы горе, выпавшее на долю побежденных жителей Калинги, вызвало у Ашоки «скорбь» и побудило его ввести новый нравственный порядок — порядок, который не нужно было обосновывать или объяснять тем, кто узнавал о нем из эдиктов. Несмотря на то, что мыслил Ашока, вне всякого сомнения, категориями вселенскими и проповедовал высочайшие по своему благородству нравственные ценности, сам порядок держался на чисто деспотической основе: предусмотренные им требования и предписания не только имели силу закона, но и полностью регламентировали образ жизни; кроме того, они возлагали целый ряд

1 Из II эдикта, известного также как «Эдикт о жителях провинций: обязанности чиновников империи по отношению к жителям провинций» (приблизительно 256—255 годы до н.э.).

2 Почти все надписи Ашоки сделаны на среднеиндийских языках. На территории Северо-Западной Индии и Афганистана найдено несколько надписей на арамейском и греческом языках. Шрифт подавляющего большинства надписей — древняя разновидность письма брахми, несколько надписей из Северо-Западной Индии (из Шахбагархи и Мансехры) выполнены шрифтом кхароштри, есть две надписи из района Кандагара (одна из них — из Шар-и-Куна — с параллельным текстом на арамейском языке). См.: «История и культура Древней Индии. Тексты», МГУ, 1990, с. 216. — *Примеч. перев.*

особых обязанностей на чиновников-махаматров, которые волей-неволей должны были следовать предписанному Ашокой курсу и испытывали на себе в связи с этим огромное деспотическое давление.

Ашока призывал городских чиновников ревностно исполнять провозглашенные им принципы; в противном случае они могли навлечь на себя царскую немилость. Он усматривал связь между дурным правлением и чиновниками, не соблюдающими Закон о праведности. Он ясно дал понять, что не потерпит никакой праздности и несправедливости, не говоря уже о препятствиях на его пути. Из эдиктов видно, что не все чиновники следовали моральным наставлениям Ашоки в полной мере, что были среди них и такие, которые не выполняли их вследствие «некоторых естественных предрасположенностей, таких, как зависть, отсутствие усердия, лень, праздность, [которые] делали невозможным достижение успеха...». Имеются данные, указывающие на то, что этические принципы Закона Ашоки встречали в его империи и противодействие¹. Это неудивительно: идеалы, к которым следовало стремиться, были слишком высокими, а требуемые в соответствии с ними многочисленные изменения в поведении людей слишком резкими.

Прибегая к обещаниям вознаграждения и угрозам наказания как в этом мире, так и в мире ином, Ашока призывал своих чиновников к справедливому и терпеливому управлению теми, кто находился за пределами царства, — теми, кто оказался в его подчинении совсем недавно, после присоединения к империи Калинги, и теми, кого он называет, «неподчиненными приграничными жителями». Такие чиновники, говорил он, «имеют власть поселить в этих людях доверие [к нему] и обеспечить их процветание как в этом мире, так и в мире ином...». Ашока стремился к тому, чтобы управлять этими людьми на основе милосердия; вместе с тем он хотел, чтобы и они исполняли Закон о праведности:

«Все люди это дети мои, и как детям моим я желаю всяческих благ и счастья как в этом мире, так и в мире ином, так и всем остальным людям я желаю того же самого.

1 «Какими бы ни были мои убеждения, я желаю, чтобы им следовали и действовали в соответствии с ними, для достижения чего имеется ряд средств. Главным средством для достижения этой цели являются, на мой взгляд, мои повеления, ибо вы имеете власть над многими тысячами живых существ и в силу положения своего можете завоевывать любовь праведных... Вы же, однако, не в полной мере постигаете истину эту. Некоторые из вас, быть может, и исполняют повеления, но только частично, а не полностью. Следите за тем, чтобы принцип управления всегда соблюдался... случается так, что какого-то человека приговаривают к заключению или пытке, и когда результатом такого приговора является заключение без полных на то оснований, то глубокую скорбь испытывают многие другие люди. В таких случаях надо стремиться к тому, чтобы восстановить справедливость. Однако некоторые естественные предрасположенности, такие, как зависть, отсутствие усердия, лень и праздность, делают невозможным достижение успеха. Вы [махаматры] должны стремиться к тому, чтобы очиститься от таких предрасположенностей. Ключ к успеху — в усердии и терпении, которые должны быть проявлены при соблюдении этого принципа управления. Праздный человек не может заставить себя действовать, тогда как действовать необходимо... Точно так же вы должны ревностно выполнять свой долг и не забывать о воззвании к вам: «Внимайте воле моей. Вот повеления Угодного богам». Их исполнение дает великие плоды, неисполнение ведет к великим бедам. Неспособные исполнять их не смогут завоевать ни царской милости, ни неба. Те, кто плохо выполняет этот долг, никогда не добьются моего расположения, те же, кто исполняет мои наставления, обретут небо и выплатят мне долги свои... С этой целью и была высечена эта надпись, дабы городские чиновники непрестанно старались сделать так, чтобы горожан не могли лишать свободы или пытать без полных на то оснований. С этой же целью... каждые пять лет я буду назначать новых чиновников, людей мягких и умеренных, исполненных благоговения перед святостью жизни, которые, помня о цели моей, будут исполнять мои повеления...» (Из II эдикта, известного также как «Эдикт о жителях провинций: обязанности чиновников по отношению к жителям провинций» (приблизительно 256—255 годы до н. э.).

Что касается неподчиненных приграничных жителей... то Царь желает, чтобы они... не боялись [его], чтобы они доверяли [ему]... Царь будет терпеливым с [ними], и чтобы во имя [царское] они следовали Закону о праведности и обрели таким образом и этот мир и мир иной.

Провозглашая волю мою, повелевая подчиняться ей, сохраняя непоколебимую решимость и выполняя обещанное, я [Царь] обеспечу себя (подготовленными) махаматрами на местах для выполнения этой миссии, ибо вы имеете власть поселить в этих людях доверие ко мне и обеспечить их процветание как в этом мире, так и в мире ином, и поступая так, сможете завоевать небо и рассчитаться с долгами своими передо мной.

С этой целью и был писан Закон о праведности, дабы занимающие высокое положение махаматры могли непрестанно стремиться к тому, чтобы завоевать доверие этих приграничных жителей и наставить их на путь праведный...»¹

Справедливое и гуманное отношение распространялось даже на тех, чье поведение действительно не укладывалось в обычные рамки, — на «лесных жителей», даже они могли пользоваться благами Закона о праведности. «Даже лесных жителей, какие живут на земле, покоренной Угодным богам, даже их он хочет умиротворить и снискать их расположение. Ведь о (своем) раскаянии Угодный богам рассказывает им для того, чтобы они устыдились и (никого) не убивали. Ибо Угодный богам желает всем живым существам безопасности, самообладания, душевного спокойствия и мягкости»².

В эдиктах, определяющих обязанности чиновников по отношению к приграничным племенам и лесным жителям, Ашока выступает одновременно и как деспот, и как реформатор общественной морали, и как миссионер, и как учитель, проповедующий правильный образ жизни. Эдикты обнаруживают универсальность чувства любви ко всем людям, являющуюся ранней формой гуманитаризма, не ограниченного рамками одной только войны.

Как видно из эдиктов, Ашока отправил большое число миссионеров даже в такие далекие страны, как Греция и Китай, «на все границы, даже отстоящие отсюда на шестьсот йоджан, там, где царь йонов Антийока, а за этим царем Антийокой еще четыре царя: Турамая, Антикини, Мака и Аликасудара, и к югу, там, где чолы и пандьи и еще южнее до Тамбапанни. И вот здесь, во владениях царя, среди йонов и камбоджийцев, среди набхаков и набхитиков, среди бходжей и питиников, среди андхров и палидов³ — повсюду следуют этому наставлению в дхарме. Даже там, куда не доходят посланцы Угодного богам, (люди), слыша

1 Из I эдикта, известного также как «Эдикт о приграничных жителях: обязанности чиновников по отношению к приграничным племенам» (приблизительно 256—255 годы до н. э.).

2 Из XIII эдикта (приблизительно 257 год до н. э.).

3 *Антийока* — царь государства Селевкидов Антиох II Теос (261—246 годы до н. э.), *Турамая* — царь Египта Птолемей II Филадельф (282—246 годы до н. э.), *Антикини* — царь Македонии Антигон II Гонат (283—239 годы до н. э.), *Мака* — царь Киренаики Магас (300—250 годы до н. э.), *Аликасудара* — царь Эфира Александр (умер между 252 и 247 годы до н. э.). *Чолы и пандьи* — дравидийские народы, жившие на крайнем юге. *Тамбапанни* — название острова Ланки (Цейлона). *Набхаки и набхитики* — древнеиндийские племена, населявшие область гор Виндхья и северной части Махараштры. *Бходжи* — древнеиндийское племя, населявшее так называемое царство Дандака, расположенное в северной Видарбхе. *Питиники* (или петеники) — древнеиндийское племя, точно не локализованное, видимо, населявшее во времена Ашоки северные части Махараштры и Видарбхи. *Андхры* — древнеиндийское племя, населявшее во времена Ашоки северные части Махараштры и Видарбхи. *Палиды* (*пулинды*) — древнеиндийское племя, обитавшее в северных областях Махараштры и в районе гор Виндхья.

(от других) наставления в дхарме, также каковым должно быть поведение, соответствующее дхарме, начинают следовать дхарме и будут следовать ей»¹. Благодаря миссионерам учение Будды проникло не только в соседние государства и в районы Индии, не подвластные Ашоке, но и в Шри-Ланку.

Одна из наиболее радикальных реформ Ашоки состояла в практически полном запрете на охоту и на убийство животных для использования их в качестве пищи. Он отменил существовавшую в императорской кухне традицию умерщвлять ежедневно одного павлина. Упразднены были даже знаменитые охотничьи экспедиции, собиравшие на несколько недель весь императорский двор с гаремом, правительственными чиновниками и слугами. При проведении этих экспедиций огромные лесные территории, предназначавшиеся для царской охоты, помечались цветными лентами, и любого человека, встреченного в пределах охотничьего маршрута императора и его свиты, приговаривали к смертной казни, приведению в исполнение которой предшествовало, по всей видимости, нанесение нарушителю увечий, что в рамках уголовного права тех времен считалось делом обычным. Ашока положил конец этим и другим охотничьим экспедициям, ибо считал жизнь животного, равно как и жизнь человека, священной. Но и на этом император не остановился: он приказал построить на главных дорогах империи больницы для оказания помощи не только больным и раненым людям, но и их выючным животным. Характерным для Ашоки является то, что одновременно с закрепленными в эдиктах приказами следить за соблюдением запрета на охоту правительственные чиновники получили от него указания соблюдать и следить за выполнением других положений Закона о праведности. Введенный Ашокой запрет на убийство животных отражал его нравственный протест против массовой гибели людей на войне и его последующее неприятие любого убийства или причинения страданий.

Из эдиктов становятся очевидными как горячее стремление Ашоки утвердить высокие нравственные идеалы, так и тот факт, что его чиновники им не следовали. Да и легко ли было следовать принципам, содержащим такие высокие требования! Ашока продолжал отстаивать и проводить в жизнь Закон о праведности вплоть до конца своего царствования. Ничем не примечательные наследники Ашоки не смогли продолжить его высокую миссию, и Закон о праведности утратил свое значение. После смерти Ашоки в 231 году до н. э. империя была разделена на части и пришла в упадок, а Закон о праведности ушел в небытие.

Под влиянием идеализма императора Ашоки династия Маурьев претерпела глубокую нравственную трансформацию, которая затронула жизнь двора, правительственные структуры и сами человеческие отношения как в обширных владениях империи, так и за ее пределами. За время существования этой династии буддизм из сектантского учения вырос в одну из величайших мировых религий, оказавшую влияние на историческое развитие Шри-Ланки, Бирмы, Таиланда, Японии, Тибета и, в несколько меньшей степени, Китая. Высокие гуманитарные принципы, основанные на совершенно новых, опережавших эпоху идеалах, которые провозгласил Ашока, замечательное нравственное наследие, оставленное

1 Из XIII эдикта (приблизительно 257 год до н. э.).

им людям и пребывающее вне категорий времени и пространства, ставят его в один ряд с величайшими духовными учителями мировой истории и позволяют рассматривать его влияние как один из определяющих факторов в нравственном развитии человечества.

Д. Император Ашока: факты и легенда

Исторические сведения о жизни Ашоки и его высказываниях взяты из легенд и текстов тридцати четырех уцелевших эдиктов, высеченных на скалах и колоннах. Других источников практически не существует.

О раннем периоде жизни Ашоки известно, например, что перед тем как стать императором, то есть еще при жизни Биндусары, его отца, он занимал высокий пост царского наместника в Уджаяни, столице главной провинции империи. Посредством назначения царевича на такую должность отец-император мог подготовить своего сына к предназначавшейся наследнику роли абсолютного и деспотического монарха. В династии Маурьев практика эта была обычной.

Сведения о более позднем периоде жизни Ашоки почерпнуты главным образом из тридцати четырех эдиктов. И хотя в них не говорится о причинах войны с Калингой, «Эдикт о завоевании» возвещает победу над нею и свидетельствует о последовавшем затем раскаянии Ашоки и его стремлении «охранять» Закон о праведности. В других эдиктах содержатся наставления Ашоки, касающиеся исполнения и надзора за исполнением Закона, сообщения о миссионерах, которых он направил в разные концы империи и за ее пределы, а также сведения о его собственном благочестивом следовании путем, указанным Буддой. Другой исторической информации в эдиктах почти нет.

Объем уцелевших данных не позволяет проследить за развитием Закона о праведности и его содержания. Не вызывает, однако, сомнения тот факт, что буддийские идеи сыграли решающую роль в формировании системы нравственных ценностей, избранной Ашокой в качестве основы определяющей образ жизни как его самого, так и всех его подданных. Но поскольку совершенно очевидно, что Закон о праведности не является буквальным воспроизведением буддийского учения, возникает вопрос, к сожалению, остающийся без ответа: в какой мере покорение Калинги и пережитые Ашокой в связи с этим покорением чувства повлияли на сущность и содержание его представлений о нравственности, которые отличаются от основного буддийского канона.

Некоторые легенды о жизни и деятельности Ашоки не соответствуют историческим данным. В Шри-Ланке бытует, например, не подкрепленная ничем легенда, изображающая Ашоку злодеем, погубившим своих братьев. Следует сказать, что предания о злых деяниях Ашоки в ранний период его жизни не противоречат фактам, свидетельствующим о его постепенном и отнюдь не радикальном обращении в буддизм, а также медленном процессе создания Закона о праведности, о чем позволяют судить эдикты. Но даже если в этих преданиях и содержится правда, достоверность их не может быть доказана из-за отсутствия

достаточного количества подтверждающих их исторических свидетельств. Предполагается также, что истории о братоубийстве и другие подобные легенды были выдуманы специально для того, чтобы его подданные осознали всю безграничность его власти, но вместе с тем и его врожденную доброту, благодаря которой он так остро чувствовал чужое страдание и испытал раскаяние и скорбь, а не радость от победы над врагом при виде пролитой на войне крови. После разгрома Калинги император Ашока преодолел в себе злое начало и стал приверженцем высоких этических принципов, что с еще большей силой подчеркивает его нравственные достоинства. Появление этих легенд обусловлено, возможно, желанием все усилить и преувеличить, что вообще было обычным для легендарного характера истории.

Е. Заключение

Император Ашока был одним из величайших в истории человечества реформаторов нравственности, одним из первых провозвестников гуманитарных ценностей, намного опередившим свою эпоху. Обстоятельством, заставившим Ашоку посвятить себя гуманитарной деятельности, было его постепенное обращение в буддизм после того, как на войне, из которой его армия вышла победительницей, он увидел кровь и страдание. Будучи смелым и оригинальным реформатором, мыслившим универсальными категориями и проповедовавшим замечательные по своему благородству нравственные ценности, он никогда не считал себя автором провозглашенных им этических принципов, напротив, относился к ним, как к самоочевидным истинам, обладающим трансцендентальной ценностью, которые существуют сами по себе и не нуждаются в религиозном или метафизическом обосновании. Принципы эти вытекали из буддийского учения, но отличались от него и коренились в личном мировоззрении самого Ашоки. Закон о праведности предписывал в первую очередь почтение к вышестоящим, сострадание к несведущим, страждущим и слабым людям, а также ко всем живым существам, требовал признания добродетелей тех, кто принадлежит к иным вероисповеданиям и религиям. Одним словом, Закон утверждал праведные отношения между всеми, в том числе между самим императором (и императрицей) и их подданными.

Ашока проявлял интерес прежде всего к практической, повседневной стороне жизни, полагая, что соблюдение людьми принципов, определяющих праведное поведение в этом мире, принесет им пользу и в мире ином. Такие понятия, как «нирвана» или «карма», в его эдиктах не упоминаются, однако не вызывает сомнения тот факт, что мир иной имел для него такое же — если не большее — значение, как и этот мир.

Недостатки этической системы, для установления которой Ашока проявил столько рвения и усердия, очевидны. Закон о праведности представлял собой одновременно и систему нравственных установок и закон, который определял образ жизни для всех без исключения и насаждался по всей империи при помощи

всех имевшихся в распоряжении Ашоки деспотических средств. Ашока не допускал никакого сопротивления; исполнение Закона без должного усердия влекло за собой царскую немилость. На систему уголовного права действие принципов гуманности не распространялось, хотя при Ашоке она все-таки отличалась меньшей жестокостью, чем при предыдущих правителях.

Сравнение Ашоки с другими выдающимися людьми, обратившимися в иную веру, позволяет лучше понять его роль и значение. В отличие от фараона Эхнатона из 18-й династии (XIV век до н.э.) Ашока был не просто верующим, а деятельным верующим, ревностно следившим за распространением и исполнением своего Закона. Некоторые специалисты сравнивают Ашоку с Константином Великим и апостолом Павлом, видя в нем одновременно и императора, обратившегося к новой вере, и выдающегося миссионера и проповедника своей, особой формы буддизма. Однако обращение Ашоки в новую религию не было столь драматическим и болезненным, как у апостола Павла на пути в Дамаск. Сравнение Ашоки с Константином Великим также представляется неправомерным. После Миланского эдикта 313 года Константин не перестал воевать, не был он и создателем христианства: в христианство он обратился поздно и не без колебаний. В Римской империи было немало христиан еще до провозглашения им его эдикта. Иными словами, к христианской вере Константин шел медленно и пришел довольно поздно. Ашока же, напротив, смело установил собственный Закон о праведности и для насаждения его среди подданных использовал всю свою власть абсолютного монарха. Сходство между двумя этими правителями состоит лишь в том, что свои личные нравственно-религиозные убеждения они возвели в ранг официальной религии и системы нравственных ценностей на государственном уровне. Константин не был ни миссионером, ни духовным учителем, проповедовавшим новые идеи, тогда как об Ашоке помнят именно благодаря этому. Сравнить Ашоку с Константином Великим возможно лишь путем противопоставления: Ашока выступает в истории как могущественный император-миссионер и духовный учитель, отличающийся моральными качествами значительно более высокого порядка, чем те, которыми обладал Константин Великий.

Для нас более значительным, чем учреждение Ашокой системы справедливого и более гуманного управления огромной державой, чем его неутомимость в деле распространения высоких моральных ценностей и буддийского учения, чем его настойчивое стремление развить в своих чиновниках и подданных обостренную нравственную чуткость, является его вклад в утверждение идеала гуманности в подходе к войне, поскольку воплощением идеала гуманности в отношении войны является ее недопущение. Увидев страдания побежденной Калинги, он почувствовал, что не сможет примирить буддийское учение о святости всех форм одушевленной жизни с войной как средством достижения тех или иных целей; испытанное им чувство было настолько сильным, что он не только упразднил традицию царской охоты, но и вообще запретил убивать животных. Военных действий он больше не вел и стремился, посредством эдиктов, постоянно высекавшихся на скалах и колоннах, предостеречь от развязывания войн

своих детей и внуков, прося их «в своих победах находить удовольствие в прощении и несуровом наказании. И пусть они считают победой только ту победу, которая (одержана с помощью) дхармы»¹. Принцип уважения всех живых существ не был нововведением Ашоки, однако благодаря установлению связи между этим принципом и войной родилось новое этическое учение. Стремление к победе в войне было заменено стремлением к тому, чтобы победил Закон о праведности, чтобы все его выполняли, и овладение этим Законом было провозглашено величайшим достижением, к которому все должны стремиться. Эта удивительная, обладающая вселенским характером идея явилась результатом осознания на полуострове Индостан уже в III веке до н. э. глубокого смысла и важного значения гуманитарных идей. Замечательные по своей силе положения Закона Ашоки о том, что к войне следует относиться с отвращением, что необходимо развивать в себе способность чувствовать чужие страдания, причем страдания не только людей, но и животных, что надо неуклонно соблюдать возвышенные, религиозно нейтральные и универсальные этические принципы, не ограниченные рамками той или иной религии, дают нам все основания считать Ашоку опередившим свое время новатором и преданным защитником гуманитарных идеалов, которые легли в основу существующих ныне права прав человека и гуманитарного права войны.

«...Какие живут в этой земле... последователи других вероучений или же миряне-домохоозяева, которые блюдут покорность высшим, покорность матери и отцу, покорность наставникам, подобающее отношение к друзьям, знакомцам, приятелям и сородичам, к рабам и слугам, [а также] преданность вероучению, — всем им выпали на долю либо какая-либо несправедливость, либо насильственная смерть, либо разведение с теми, кто им дорог. Ведь для тех, кто воспитан должным образом, кто неизменен в своих привязанностях, если погибает кто-либо из друзей, знакомцев, приятелей или сородичей, — это для них большая утрата. И то, что доля эта постигла всех людей, тяготит мысль Угодного богам. Нет ведь таких разрядов людей, как брахманы и шраманы, и нет такого места ни в одной джанападе, где люди не принадлежали бы к какому-нибудь вероучению».

Из XIII эдикта (приблизительно 257 год до н. э.)

1 Из XIII эдикта (приблизительно 257 год до н. э.).